

но всем, но никто не может их объяснить»¹⁴. В этом плане показательны иногда новые смыслы в трактовке «общеизвестных» понятий. Приведем ряд примеров.

Долголетие. Стремитесь к долголетию. [Мужчина 88 лет работнику почты, прощаясь, весело:] Спасибо! Здоровья Вам! Стремитесь к долголетию! Мне через две недели 89, на девятый десяток пойдет. Не думал, что столько проживу. Я в 46-м в госпитале три месяца лежал. Руку укорачивали на 10 см, а вторая не поднимается. Хотели сустав вставить — крепить не к чему! Но поднимать тяжести могу. До трех килограммов (13.10.13).

Мудрость. Я с возрастом поняла мудрость: Все течет, все изменяется! Мы всегда страдаем и мы всегда сегодняшнее число стараемся выстрадать! Но жизнь меняется. Оно может так крутануться! (25.01.14).

Радость. Когда Андрея Туманова спросили, каков главный совет (а перед этим он подробно и с удовольствием рассказывал о работе на приусадебном участке), он вспомнил слова Катона: «Добавь немного радости к работе!». Это чтобы работать не до боли, не до раздражения... (02.05.19).

Спокойствие. В чем секрет красоты, спросили одного человека. В спокойствии, — уверенно ответил он. Когда смотришь на красивую картину ли, женщину, еще на что-то, на тебя проливается спокойствие. Интересная мысль! (02.05.19).

Итак, если мы хотим управлять ситуацией, как-то влиять на коллективное бессознательное, то сами понятия, которые у нас в ходу, должны быть живыми, гибкими, подсказывающими.

Закрытость главного, противоположность ожидаемой информации, совпадение с книжными формами, иррациональность, проявляющаяся в перцептивной сверхчуткости, несовпадения в трактовках — все эти качества, хорошо различимые в разговорной речи, требуют от нас гораздо большего внимания, большей заинтересованности, не позволяют нам становиться — даже сейчас — слугами компьютеров, виртуальными существами. Жизнь богаче логики, и современная разговорная речь блестяще это подтверждает.

РЕЦЕНЗИИ

ИНВЕРСИЯ СУДЬБЫ

Анастасия Ермакова. Окна с видом на МКАД. Рассказы и повести.

М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. — 327 с.

Современная литература взрастила так много искривленных ядовитых цветов и так мало цветов доброты и сострадания. Ведь очень трудно, создавая не рождественские сказки, а хорошую живую прозу, обладая обостренной писательской пронизательностью, сохранить любовь к ставшему образом объекту художественного исследования — человеку.

Анастасии Ермаковой это удастся. Мир ее рассказов населяют самые разные люди: художники и писатели, одинокие молодые женщины, никому не нужные инвалиды

¹⁴ Эпштейн М. Н. Наброски к теории всего // Знание — сила, 2019, № 3. С. 39—41.

и старики, бывшие жены, оставленные мужьями... Обладая сострадательной эмпатией, писательница открывает читателю чужие чувства, которые не могут не вызвать ответный эмоциональный отклик. Потому что самый пронзительный мотив книги — это оставленность.

Покинут в своей нишей панельной двушке фронтовик-поэт («Фронтовик»), собираются выбросить в ветхую загородную избенку старушку, отписавшую племяннику квартиру («Пусть живут со мной»), оставлены жена и дочь («Недальнее плавание»), жена и двое детей («Вальс»), брошен на даче верный пес Гром («Две жизни Грома»), отвергнута любовь женщины и обречен на гибель неродившийся ребенок («Бюст неизвестно кому»), в детском доме растет больная дочь («Прогноз непогоды»), ждет травма покинутости нуждающихся в социальной помощи инвалида и старика («Из-за елки выйдет медведь»). Лирическая героиня рассказов грустно замечает, что «нигде, нигде нет спасения от человеческих несчастий — ни дома, ни в заморских странах...» («Профессор Ли»).

Книга освещена состраданием и добротой, главенствующей над временем настоящим, и стыдом о несодеянном добре, если рассказ ретроспективен. Так рассказ «Мамаиха» возвращает в то время, когда дачная детвора подшучивала над одинокой старухой, каждый раз придумывая «новые шалости». «И каждый раз Мамаиха просто-душно верила <...> выходкам — выбегала, охала, суетилась». Озорников забавляло, что «она, такая старая, несуразная, еще живет на свете непонятно зачем со своей глупой козой и больным кашляющим дедом». И теперь героиня прокручивает «назад хрупкое ломкое время», терзаемая чувством вины: «...мне восемь лет, и я не пробегаю мимо, а останавливаюсь поговорить с Мамаихой. А когда ребята шутят про козу, кричу: „Не верьте, не верьте, они все врут!“ А вот я — подросток, и я не ворую яблоки в ее саду, не избегаю встреч с назойливой скучной старухой. Подхожу к ней и говорю: „А я к вам, в гости. Расскажите мне о себе. Как вы жили? Кого любили?“ И она улыбается и долго-долго рассказывает мне счастливые снежные небылицы». Вспомнилась давняя книга М. Халфиной «Что старикам надо».

...Вернуться в прошлое и сделать его другим. Один из героев книги Анастасии Ермаковой высказывает мудрую мысль: «Писатели все еще не вполне оценили силу инверсии. Кстати, я пришел к выводу, что принцип инверсии можно применять и в жизни. Не пробовали? Это удивительно. Расставьте иначе смысловые акценты — и все, судьба изменилась. То, что вы считали неудачей, примите за точку отсчета для нового, счастливого поворота событий, и тогда увидите все в другом свете. Я даже придумал целую концепцию — инверсию судьбы».

Если нельзя изменить, то можно простить, и прощенное прошлое, оставив след, все-таки уже не определит судьбы. Так простил Отчизну фронтовик-поэт: «...в тридцать седьмом у Муравина расстреляли отца и в старших классах мальчик уже доучивался „сыном врага народа“. <...> Великий и ненужный человек. Получивший от своей Родины смертный приговор для отца и потом сражавшийся за нее, рискуя жизнью». Так простила дочь ушедшего из семьи отца, всеми силами стараясь полюбить его сыновей от второй жены.

Герои рассказов Анастасии Ермаковой нередко пытаются «приоткрыть одну из дверей в прошлое и посмотреть — что там, за ней? Все ли осталось нетронутым, таким, как было много лет назад? Или — рассыпалась слежавшаяся обида, выветрилось отчаяние, улетучилось разочарование? А может, там запустение, плесень, смерть, и время бесстрастно течет, загустевая, баюкая того, нерожденного ребенка?»

Однако прошлое таит и опасность: если в него погрузиться, слиться с теми чувствами, что были когда-то, с теми предметами, что окружали, или со своим старым домом,

сделав его символом собственной жизни, то можно уже и не возвратиться в настоящее: умирают старики, соединившиеся душой со своей старой дачей, когда ее сносят: «— Прощай, милый дом, — прошептала Тоня, взяла мужа под руку. — Прощаешься, как с живым прямо. — А он и есть живой. Мне кажется, и мы с тобой живы, пока он стоит» («Старая дача»). Люди способны одушевлять вещи, и они начинают отражать все, что с людьми происходит: так все вещи в квартире старого фронтовика выдохлись, выбились из сил после долгой службы и теперь просто доживают вместе с хозяевами, кое-как выполняя свое предназначение.

И все-таки книга Анастасии Ермаковой дает надежду, показывая: если изменить ракурс восприятия, то мир предстанет не только юдолью печали, но и полным красоты. А «форма существования красоты» — свобода, которая «не терпит присвоения», как «бабочковый куст», от которого главной героине рассказов «абсолютно ничего не нужно, кроме того, чтобы он просто был, существовал, излучал цвет и аромат».

Лирическая героиня и сама свободолюбивая молодая женщина, полная цветущей всепобеждающей женственности; она понимает, принимает, прощает любые всплески женской эмоциональности: пусть это случайные страстные ночи в Турции («Таис Стамбульская»), обычный чувственный порыв («Сломанный треугольник», «Тыква») или дачный роман в стиле Юрия Казакова («Техника безопасности»). Женщина без мужчины в рассказах Анастасии Ермаковой — или недопроявлена, или заживо похоронена в своем одиночестве, потому что чувственная сторона мира — не просто сторона радости бытия, но необходимый проявитель женского «Я», только с помощью мужчины раскрывающегося во всей полнотности женской энергии. А сам мужчина чаще всего или исчезает вовсе, или на втором плане. Даже мужчина, предавший любящую его женщину, не вызывает у преданной зла. Воспоминания о «солнечных ударах» могут согреть и радовать одиноких женщин, и они будут потом «долго-долго перебирать, как сувенирные малахитовые четки, эти драгоценные и бесстыдные ночи в своей памяти».

Память — преодоление жесткой линейности жизни. Тема отношений человека со временем никогда, наверное, не будет раскрыта до конца вследствие субъективности восприятия времени, имеющего способность совершать странные метаморфозы, подчиняясь человеческим чувствам (вспомните «Солнечный удар» Бунина). Иногда время как бы застывает, создавая у героини «ощущение <...> непричастности, чужеродности всему происходящему», становится «ледяным, неповоротливым», «крепко привязанным тонким ремешком» к руке. Предчувствия тоже меняют восприятие времени. Это очень тонко подмечено: «...я начинала жить будущей разлукой и слабее чувствовала настоящее. Вообще эта странная способность жить между настоящим и будущим, между тем, что уже есть, и тем, что еще только должно случиться». Что это? Жизнь «не в такт»? Нет, это присущая одаренным натурам отстраненность, рождаемая интуитивным знанием о будущем: «Нереальность была порой достоверней действительности, и, может быть, поэтому я почти всегда знала, что чем завершится. Туманно, не подробно, но все же — знала».

Еще одна тема книги — тема женская: дети. И рожденные, и нерожденные. Первые — смысл жизни женщины, оправдание даже таких беспутных, как Ирка-шалова, отсылающая свой заработок матери и ребенку, вторые — трагедия: загубленная любовь, невоплотившаяся жизнь. Сострадание писательницы к любой женщине, способной любить, сближает ее рассказы с русской классикой, стремившейся вызвать у читателя жалость к герою, что в современной прозе почти утеряно. А способность, желание, потребность любить — вечное свойство женщины. Но платоническая любовь-воображение, любовь на расстоянии к идеализированному образу («Стойте справа, про-

ходите слева»), хоть и вызывает у Анастасии Ермаковой сочувствие (вслед за Куприным), в конечном итоге все-таки отрицается, превращаясь (вслед за Буниным) в нечто мертвое, лишенное чувственности, которой полон весь мир, даже звезды кажутся лирической героине чувственными. Это полнота жизни. И все, что чувств и живых ощущений лишено, становится мертвым, как «нежилой застоявшийся воздух грустных музеев, силящихся поймать время, законсервировав его в фотографиях, рукописях, предметах обихода. Но все это — образ смерти, пыльного забвения, потревоженного очередной группой курортных зевак».

Жизнь, только жизнь — вот лейтмотив рассказов. И с пронзительными нотами печали сплетается мелодия счастья, создавая «неповторимую бескорыстную мозаику бытия. Драгоценную морозу существования».

Немалое место занимает в книге и «писательская тема». Несколько чеховский рассказ «Лето звонкое» вызывает улыбку, а вот другая новелла — «Мертвый груз», скорее, печаль. «Мертвый груз живых мыслей, радостей и разочарований, мертвый груз моей единственной жизни» — это нераспроданные книги героини — молодой писательницы, которая представляет на книжной ярмарке только что изданную и не верит, что хоть кто-то заинтересуется ее творчеством. Но из рассказа видно: писательница талантлива, просто пишет не коммерческую прозу, а следует зову души, не поддаваясь моде. Еще один «литературный рассказ» — «Псевдоним». Опять же писательница, рассматривая чужие фамилии на памятниках, решает выбрать себе звучный псевдоним, но вдруг задается вопросом: «Вдруг чужая фамилия прилепит ко мне, как жвачку к столу, чужую судьбу, и от нее уже невозможно будет отделаться?» Действительно, псевдоним может изменить судьбу. Иногда в лучшую сторону. Не факт, что обязательно в сторону известности. Но иногда чужая фамилия приносит и чужие несчастья...

Интересны интуитивные прозрения, которыми наделяет Анастасия Ермакова свою героиню, порой ощущающую себя сосудом, «в котором хранится бесплотное: взгляды, жесты, голоса», — они обогащают рассказы как бы дополнительным измерением, совершая магический синтез внешней реальности и внутреннего мира, дарующий сознанию поэтическую гармонию. Есть в рассказах и то место на Земле, где гармония особенно радужна: это дача — «самодельный рай»: «Место, где не бывает скучно. Яблони, облака, цветы... Долгий жаркий обморок лета. Шесть соток зеленого покоя. Простор цветущих выходных. Чаепитие на открытой террасе. Комариные вечера. Теплой луной разнеженные ночи». Живым и теплым получился образ бабушки — хозяйки этого «самодельного рая»...

Как-то в журнале «Нева» Т. Янковская, размышляя, в частности, и о рассказах Анастасии Ермаковой, очень точно заметила: «...сколько бы ни говорили, что искусство не должно ничему учить, хорошие книги так же важны для нравственного здоровья, как свежий воздух, чистая вода и пища для здоровья физического. Это часть нашей среды обитания».

И как хорошо, если в этой «среде обитания» чувствуется легкое дыхание поэзии...

Мария БУШУЕВА

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОЗА

Александр Ливергант. Вирджиния Вулф. Моменты бытия.

445-страничная книга Александра Ливерганта «Вирджиния Вулф. Моменты бытия» напоминает гигантский корабль, доvezший до наших берегов большой груз.

НЕВА 8'2019